

Научная статья

УДК 346.232(571)+343.294

DOI 10.17223/18137083/91/8

На последнем рубеже. Трагический финал писателя Вивиана Итина

Сергей Андреевич Папков

Институт истории
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

spapkov@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2541-4520>

Аннотация

Дается анализ заключительного этапа жизни и творчества писателя и поэта Вивиана Итина, вынужденного вести борьбу за свою реабилитацию в период массового террора. Отмечаются основные вехи творческой деятельности писателя. Особое внимание уделено событиям 1937–1938 гг., итогом которых стало исключение Итина из партии и лишение его руководящего поста в Союзе писателей. В оборот вводятся новые документы, раскрывающие остроту борьбы писателя против выдвинутых обвинений в компрометирующих и антисоветских поступках. Показано, что политические репрессии нередко являлись следствием внутренних конфликтов в писательской среде. Приводятся примеры использования доносов и откровенных фальсификаций в ходе проведения партийных проверок и расследований в отношении Итина. Публикуемые материалы позволяют реконструировать картину сложных взаимоотношений сталинского режима с литературным сообществом, представители которого не вполне соответствовали принципам большевистской идеологии и морали.

Ключевые слова

В. А. Итин, Союз писателей, «Сибирские огни», ВКП(б), литература, НКВД

Для цитирования

Папков С. А. На последнем рубеже. Трагический финал писателя Вивиана Итина // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 93–101. DOI 10.17223/18137083/91/8

At the last frontier. The tragic finale of the writer Vivian Itin

Sergey A. Papkov

Institute of History
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

spapkov@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2541-4520>

Abstract

This paper examines the concluding period of the life and career of Vivian Itin, Chairman of the Siberian branch of the Union of Soviet Writers and Editor-in-Chief of “Sibirskie Ogn” magazine, focusing on his struggle for exoneration amidst widespread state-sponsored repres-

© Папков С. А., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 93–101
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 93–101

sion. Consideration is given to the reasons behind the intolerant attitude toward the writer and his systematic persecution by the party bureaucracy during the early Soviet era. Emphasis is placed on the key milestones in the creative career of the writer, with particular attention on the events of 1937–1938 that lead to the expulsion of Itin from the Party and the loss of his leading role in the Union of Soviet Writers. Newly discovered documents are being introduced, illuminating the intensity and pressure the writer faced when accused of collaboration and anti-Soviet activities. The study illustrates how internal discord within the writer's social context resulted in political oppression. The paper analyzes the false accusations and outright lies used in party inspections and investigations targeting Itin, resulting in a succession of humiliating testimonies and unsuccessful appeals based on his previous position. Notwithstanding attempts to demonstrate his allegiance through his literary and political activities, he suffered wrongful imprisonment and faced the threat of imminent execution. The analysis of the documents concerned allows for a reconstruction of the multifaceted relationship between the Stalinist regime and a literary community not entirely under Bolshevik ideology and morality.

Keywords

V. A. Itin, Union of Writers, "Sibirskie ogni", All-Union Communist Party of Bolsheviks, literature, NKVD

For citation

Papkov S. A. At the last frontier. The tragic finale of the writer Vivian Itin. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 93–101. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/8

В современной литературе довольно подробно описана творческая и общественная деятельность бывшего руководителя Сибирского отделения Союза советских писателей (ССП), главного редактора журнала «Сибирские огни», писателя и поэта Вивиана Итина. Глубоко исследованы основные этапы его личной жизни, всесторонне оценен вклад в развитие отечественной литературы¹. Между тем, несмотря на публикацию целого ряда книг и статей, ряд важных аспектов биографии писателя открывается только сейчас в результате появления новых источников, которые в течение десятилетий оставались малодоступными и фактически были неизвестны.

В настоящей публикации представлены материалы о наиболее трагическом периоде жизни Вивиана Итина, связанном с отчаянной борьбой за сохранение своего места в литературном мире и самой жизни в условиях политического террора 1937–1938 гг.

Происхождение, образование и образ жизни Итина оказали огромное влияние на его судьбу. Как выходцу из «буржуазной среды» и по причине «компрометирующих фактов» в биографии ему пришлось пройти за 15 лет литературной деятельности серию унижительных проверок и чисток, чтобы в итоге получить смертный приговор судебной тройки НКВД.

Решающее значение в его судьбе сыграло случайное участие в событиях Гражданской войны в качестве переводчика в американской благотворительной миссии Христианского Союза молодежи и Красного Креста в 1918–1919 гг., в период колчаковского правления на Урале и в Сибири. Как и для многих других людей, пришедших на службу в советские учреждения в начале 1920-х, подобные факты не играли особой роли, поэтому начинающий писатель и поэт Итин, сотрудник

¹ См., например: [Коптелов, 1983; Якимова Л. П. и др., 1994; Прашкевич, 2007; Яранцев, 2018; Тепляков, 2015; Папков, 2022].

Енисейского губернского исполкома, в 1920 г. был принят в большевистскую партию. Однако по мере укрепления советского режима подобные примеры службы при власти белогвардейцев приобрели иной смысл. Они превратились в «сотрудничество с колчаковщиной».

В 1925 г. Вивиан Азарьевич впервые был исключен из рядов ВКП(б) за «службу в американской миссии» и «отрыв от массы трудящихся». С этого времени в жизни писателя начались крутые перемены: литературные успехи чередовались систематическими нападками партийной бюрократии, отравлявшими творческую жизнь. В постоянной борьбе с партаппаратом Итин вместе с тем пользовался поддержкой крупных партийных чиновников (сначала С. И. Сырцова, затем Р. И. Эйхе) и благодаря этому продолжал писательскую карьеру. После исключения в 1925 г. он был восстановлен в рядах ВКП(б). Но в 1929-м вновь подвергся унижительной «чистке», получив строгий выговор и массу обвинений, использованных против него в последующий период ².

Наконец, 1937 год изменил всё. Политическая и моральная атмосфера в стране достигла невероятного накала и уже не оставляла шансов избежать репрессий тем, кто ранее числился в списках «подозрительных» и «скомпрометированных элементов». Итин был в их числе. Партийные и общие собрания литераторов в этот период проходили в обстановке постоянных разоблачений и выявления «политического лица» каждого, независимо от общественного признания и творческих заслуг. Выяснялись детали прошлых лет жизни, раскрывались «сомнительные» знакомства, связи с родственниками и друзьями... Взаимное недоверие, доноительство и ужас разоблачения стали нормой жизни любого коллектива.

С каждой неделей, с каждым арестом кого-либо из писательской среды угроза для Итина становилась всё ближе. Надвигающаяся трагедия ускорялась доносами, поступающими от некоторых коллег. Автором одного из них был сотрудник «Сибирских огней» Н. Кудрявцев ³. Сначала в устной форме, а затем в письменном виде этот литератор сообщил в Кагановичский (с 1957 – Железнодорожный) райком ВКП(б) некоторые «припомнившиеся факты». Как наиболее важные из них он указал на танцевальные встречи, организуемые супругой Итина Ольгой Шереметинской. Он писал:

Мне довелось побывать на танцевальных вечерах на квартире Итина всего два раза, изучение фокстрота у меня не пошло, да и обстановка не понравилась. Вот состав участников: А. Панкрушин с женой (через несколько месяцев изобличенный как враг народа – троцкист, арестованный и осужденный), В. Зверев (также троцкист, арестованный и осужденный), В. Мрачковский с женой – и знакомые Шереметинской художники. Обучал танцам какой-то молодой человек... В. А. Итин в танцах участия не принимал, но и не препятствовал им. Если для него это могло быть проявлением либерализма и уступкой увлечениям жены, то замаскировавшийся троцкист Панкрушин, который в писательских кругах был известен за человека сухого, книжного, не способного к подобным увлечениям, конечно, использовал фокстрот как средство сколачивания «кадров», внедрения в семью Итина и подлаживания к нему. С той же, вероятно, целью незадолго

² Подробнее об этом см.: [Тепляков, 2015; Папков, 2022].

³ Кудрявцев Николай Александрович – писатель-прозаик; редактор сибирской краевой газеты «Сельская Правда»; заместитель редактора журнала «Сибирские огни». Участник Великой Отечественной войны; в январе 1944 погиб на фронте.

до ареста на творческом вечере Итина он выступил с хвалебной речью об одном ошибочном произведении Итина – «Страна Гонгури». [...] После ареста Панкрушина и Зверева жена последнего, В. Касьянчук, продолжает дружбу с женой Итина...⁴.

Кудрявцев припомнил также еще один факт, «который должен быть оценен парторганизацией»: проявление гостеприимства (предоставление ночлега) работнику коммунального отдела из города Сталинска, «исключенного из партии за связь с троцкистами или за то, что сам был троцкистом».

Когда объем «компрометирующих фактов» достиг определенной величины, Кагановичский райком ВКП(б) 11 ноября 1937 г. вынес вердикт: Вивиана Азарьевича Итина из партии исключить «как человека, не заслуживающего политического доверия». В обосновании этого решения говорилось, что Итин в 1918 г. три месяца добровольцем служил в русско-чешском батальоне, а затем стал переводчиком в американской миссии Христианского Союза молодежи в Челябинске и Омске; что в начале 1930-х трижды бывал на приемах у германского консула В. Гросскопфа и беседовал с ним; что во время Северной экспедиции сходил с парохода на территорию Японии; что кроме того имел тесную связь с разоблаченными врагами народа – бывшим эсером Кравковым и врагами Панкрушиным и Зверевым⁵.

После решения об исключении жизнь писателя вступила в заключительную фазу, смыслом которой стала напряженная борьба за реабилитацию. Началась неравная схватка с невидимой могущественной силой, именуемой «партия», с ее многочисленными агентами и всесильным аппаратом. Итин был настроен решительно, так как удаление из партии в этот момент означало лишь одно: исключенного ждет потеря всяких прав и скорый арест. Чтобы избежать окончательной расправы, он стал обращаться в те инстанции, где должна была решаться его судьба. В каждом заявлении он вновь и вновь воспроизводит выдвинутые против него обвинения и дает подробные разъяснения их абсурдного или лживого характера. Раз за разом он подробно описывает свою биографию, рассказывает о семье, службе в советских учреждениях, о своем писательском труде и том окружении, в котором работал все эти годы.

В обстановке тотальной подозрительности, всеобщего недоверия и доношительства он вынужден использовать официальный советский язык, говорить в свою защиту принятыми штампами и одновременно дистанцироваться от тех писателей, что уже сидят в подвалах НКВД, давая показания под пытками. Признать их своими друзьями или единомышленниками было невозможно, как невозможно было и высказываться в их защиту.

Решение об исключении между тем переходило на всё более высокий партийный уровень, и Итин также следует по этому пути: от заявлений в райком – к письмам в горком, а затем – в обком.

Обращаясь в Новосибирский горком партии, он пишет:

⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 7308. Л. 41 – 41 об. Здесь и далее особенности орфографии и пунктуации источника сохранены. О «деле» литераторов А. Н. Панкрушина, В. А. Зверева, М. А. Кравкова и других см. в работе: [Папков, 2011].

⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 7308. Л. 55. Кравков Максимилиан Алексеевич – писатель, геолог, краевед; бывший член партии эсеров (ПСР); подвергался аресту в 1920, 1922 и 1931 гг.. Вновь арестован в мае 1937 г.; расстрелян 12.10.1937.

Два дня назад арестованы писатели Вяткин и Ошаров. Вяткин исключен из Союза сов. писателей летом текущего года Зап. Сиб. правлением сов. писателей, возглавлявшимся мной, за контр-революционный очерк, напечатанный Вяткиным в Локтевской районной газете, что при том Вяткин пытался скрыть от ССП. В то же время были вскрыты новые факты его прежней контр-революционной деятельности. Вяткин был принят в ССП по рекомендации Зап. Сиб. Оргкомитета СПП (1934 г.), возгл[авляемого] т. Высоцким. На заседании приемочной комиссии в Москве кандидатура Вяткина получила неожиданно для меня поддержку члена комиссии, писателя Гладкова и поэтому Вяткин был принят без должного разбора вопроса. Я всегда считал Вяткина чуждым и безнадежно бездарным и поэтому избегал всякого общения с ним. Его последний плохой роман, напечатанный в «Сиб. огнях» под ред[акцией] т. Высоцкого, я считал приспособленческим и вредным, о чем писал и говорил с писателями.

М. Ошаров принят в ССП одновременно с Вяткиным. В Новосибирск приехал в 1934 или 1935 г. В литературе известен как собиратель северного фольклора и автор романа «Большой аргиш». Роман был одобрен руководителями в Москве. Литературно-общественная деятельность Ошарова в Новосибирске не давала материала для отрицательного отношения к нему.

В отношении Ошарова так же, как в отношении Кравкова, должен заявить: я с ними знаком и интересовался только как писателями, будучи редактором и руководителем. Сожалею, что не был знаком с этими людьми ближе (и не стремился к этому), так как тогда, может быть, мне удалось бы помочь НКВД быстрее обнаружить притаившихся врагов ⁶.

Заявление подобного содержания и стиля было не единственным. Аналогичные мотивы звучали и в других его обращениях к представителям власти. Оказавшись в ловушке карательной политики, Итин отчаянно пытается найти общий язык с партийными обвинителями, всеми силами стремится подчеркнуть лояльность режиму, выразить свою, намеренно преувеличенную, роль идейного борца и сторонника большевизма. Но весь его лексикон, все эти фразы о «линии партии в литературе», о «врагах народа» и «разоблачениях» убеждают лишь в том, что он попал в безвыходное положение и поэтому принужден использовать привычные лишь в партийной среде, но далеко не литературные средства языка. Такова была эпоха, диктующая особую логику и особые нормы поведения людей.

Характерным документом служит одно из заявлений Итина в октябре 1937 г., когда ряд его бывших коллег уже давал показания в застенках НКВД. Он пишет:

В литературе, в том числе в Сибири орудовало немало врагов народа – Вегман, Басов, Зазубрин и др. Я всегда старался бороться за требования линии партии в литературе. Никогда не состоял в организациях («Настоящее», РАПП) ⁷, возглавлявшихся врагами. В конце 1926 г. выступил в печати против Троцкого (в очерке, напечатанном в «Сов. Сибири» и в «Извес-

⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 7308. Л. 58. Вяткин Георгий Андреевич – писатель-прозаик, поэт, драматург; сотрудник редакции журнала «Сибирские огни» и «Сибирской Советской энциклопедии». 16.12.1937 арестован, подвергнут пыткам; 08.01.1938 расстрелян. Ошаров Михаил Иванович – писатель-прозаик; 16.12.1937 арестован; 24.12.1937 расстрелян.

⁷ РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей – литературное объединение левацкого толка, существовавшее в СССР в 1925–1930 гг. Было ликвидировано в связи с обвинениями в троцкизме. В Сибири его отделением являлась СибАПП.

тиях», – по поводу плаката в Енисейске, сопоставлявшего имя предателя с именем Ленина). О гнусной роли Троцкого в заграничной печати писал в 1929–30 гг. в книге «Выход к морю». В конце 1927 г. написал статью «Оппозиционная отрывка» по поводу троцкистских писаний критика С. Родова, друга А. Курса⁸. Статья должна была пойти редакционной в «Сиб. огнях», но была залитована Вегманом и Басовым и напечатана под другим названием. Я выступал против печатания Зазубрина, с ведома Сырцова, контр-революционных призывов. В 1928 г. крайком назначил меня отв[етственным] секр[етарем] «Сиб. огней», т. е. вместо Зазубрина. Отв[етственным] редактором в то время был Оленич-Гнененко, член СибАПП, проводивший линию соглашательства с троцкистской группой «Настоящее». Несколько моих статей против «Настоящего» были им забракованы. Все же я печатал небольшие статьи, разоблачающие «Настоящее», под разными псевдонимами. В 1930 г., благодаря союзу «настоящихцев» и «сиб-рапповцев», для меня сложилась такая обстановка, что я фактически ушел из литературы, стал работать в Комсеверпути. В это время орудовала вредительская организация, т[ак] н[азываемая] «комиссия содействия сооружению Великого северного пути». В ряде статей (первая из них была напечатана в «Экономической жизни») я активно содействовал разоблачению вредителей. С той же целью я участвовал во 2-ом научно-исследовательском съезде в Иркутске (1931 г.)

Возвратившись после 9-ти месячного пребывания в Арктике, после постановления ЦК ВКП(б) о ликвидации РАПП, я выступил со статьей «Две встречи с М. Горьким», характеризующей контр-революционную сущность группы «Настоящее».

В литературной борьбе я допускал ошибки, заключающиеся в защите, в полемике с «настоящимицами», таких писателей, которых следовало не защищать, а разоблачать (Зазубрин, Анов). С Зазубриным я никогда не был в близких отношениях, но поддерживал с ним знакомство. Этому способствовало то, что однажды А. М. Горький, обманутый Зазубриным, мне лично сказал, что считает наше подозрительное отношение к Зазубрину неправильным, что дело его разобрали в «комиссии т. Шкирятова»⁹...

Эти аргументы и признания Итина, однако, уже ничего не могли изменить. Решение о его исключении из партии достигло наконец последней местной инстанции. 17 января 1938 г. оно было утверждено партколлегией Новосибирского обкома ВКП(б) в том же виде, каком его приняли райком и горком. До ареста оставался всего один шаг.

Положение ухудшалось еще и тем, что покровительствовать писателю было уже некому: секретарь Западносибирского крайкома Эйхе, оказывавший хоть какое-то содействие литераторам, покинул Сибирь, получив должность наркома земледелия СССР в Москве. Новым хозяином в Новосибирске стал секретарь об-

⁸ Родов Семен Абрамович – литературный критик и поэт. В 1920-е гг. – один из руководителей журналов «На посту» и «Октябрь». В официальной печати подвергался обвинению в троцкизме. Курс Александр Львович – журналист, драматург, киносценарист. В конце 1920-х – редактор краевой газеты «Советская Сибирь» и журнала «Настоящее». В 1930 г. арестован по подозрению в причастности к «право-левацкому блоку». Вновь арестован 01.07.1937. Расстрелян в Москве.

⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 7308. Л. 29 – 29 об.

кома ВКП(б) И. И. Алексеев. С апелляцией к нему и обратился Вивиан Азарьевич. К письму он приложил заявление, ранее поданное им в горком, где в последнем пункте с негодованием отрицал обвинение в связях с врагами народа:

Уважаемый т. Алексеев! ...Я писатель, член Всесоюзного правления ССП. Максим Горький дважды говорил на писательских собраниях в Москве, что одну из моих книг (положительно оценив ее) он лично передал т. Сталину. Я 17 лет в партии и всегда честно боролся за дело Ленина-Сталина, как мог. В том, что партия правильно решит вопрос обо мне, я не сомневаюсь. Пользуюсь случаем только обратить Ваши внимание на последний нагло-клеветнический пункт обвинения, который нельзя объяснить никакой ошибкой. А где клевета, там обычно скрывается враг ¹⁰.

Но к Алексееву в этот период потоком шли уже сотни подобных писем от бывших руководителей, общественных деятелей, рядовых коммунистов и членов их семей. Поэтому очередное заявление без рассмотрения было направлено «наверх», в Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б). Дело, таким образом, затягивалось на неопределенный срок.

Исчерпав возможности для защиты в Новосибирске, Итин решил прибегнуть к помощи московских коллег. В начале апреля 1938-го он направил пакет документов с выдвинутыми против него обвинениями Генеральному секретарю Союза писателей СССР, главному редактору журнала «Новый мир» В. П. Ставскому:

Дорогой т. Ставский. Я собирался Вам написать подробно, но не смог. Слишком мне еще противно. Посылаю копию апелляции, в которой изложил сущность диверсии. Были еще два обвинения, которые отпали: 1) что я «был» в Японии (я был шесть часов, во время похода «Анадыря» в Хакodate, в качестве корреспондента «Правды» и др. газет), 2) что я был на банкетах германского консула – «связь с консулом» (это было 12 лет назад, с ведома партии).

Как это ни мерзко, это было, и дискредитирует не меня, а партийных чиновников, которые поэтому изо всех сил стараются обвинить меня в чем-нибудь. Не могу, к сожалению, рассказать, кому я больше обязан травлей: чиновникам или явным врагам. Это, впрочем, одного поля ягоды ¹¹.

Ставский, положение которого в этот период также было довольно шатким, переправил материалы об апелляции Итина в Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) с припиской: «Прошу ускорить рассмотрение его дела». На этом помощь Ставского и Союза писателей завершилась.

Но рассмотрение апелляции так и не состоялось. Оно было назначено на 21 июня в Новосибирске, тогда как Итин уже около двух месяцев находился в тюрьме НКВД. Его арестовали 30 апреля 1938 г. и выдвинули обвинение в шпионаже в пользу Японии ¹². Следствие продолжалось до лета, а 17 октября 1938 г. тройка УНКВД Новосибирской области вынесла приговор: Итина Вивиана Азарьевича расстрелять. 22 октября приговор был приведен в исполнение.

Трагическое завершение труда и жизни сибирского писателя – выразительный и вполне характерный пример судьбы многих творческих деятелей в советской

¹⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 7308. Л. 84.

¹¹ Там же. Л. 104.

¹² См.: [Тепляков, 2015, с. 202–207].

России 1930-х гг. В литературном сообществе подобный итог был особенно впечатляющим и глубоким по своим последствиям. Сотни писателей, поэтов, журналистов, редакторов и издателей стали жертвой партийно-политической системы и господствовавших нравов, оттого что власть в стране оказалась в руках идеологических доктринеров и экстремистов.

История Вивиана Итина отчетливо показывает, каким образом складывались отношения между властью и творческими людьми, жизненные позиции которых не во всем совпадали с официальной идеологией. Частью этой истории стал также глубокий внутренний раскол в творческой среде и вынужденные унижительные компромиссы. Создавая атмосферу всеобщей подозрительности и разжигая конфликты между людьми, власть превращала литературную жизнь в поле битвы, где шансы на выживание зависели не только от выражения каких-либо взглядов, но и от совершенно случайных факторов.

Список литературы

Коптелов А. Л. Вивиан Итин // Минувшее и близкое: Воспоминания, статьи, очерки. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 62–82.

Папков С. Организация писателей Сибири и НКВД: погром 1936 года // Сибирские огни. 2011. № 2. С. 180–188.

Папков С. А. Вивиан Итин на партийной чистке 1929 года: очередной шаг к гибели // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 89–97.

Прашкевич Г. Вивиан Азарьевич Итин // Полдень. XXI век. 2007. Май. С. 131–145.

Тепляков А. Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. науч. ст. Новосибирск, 2015. Вып. 6. С. 181–208.

Якимов Л. П., Соболевская Н. Н., Бальбуров Э. А., Юдалевич Б. М. Литературная критика журнала «Сибирские огни». 20–80-е годы. Новосибирск: Наука, 1994. 288 с.

Яранцев В. Вивиан Итин: Гражданин Страны Гонгури. Петербургское повествование. Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России, 2018. 420 с.

Список источников

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 35. Д. 7308.

References

Koptelov A. L. Vivian Itin. In: *Minuvsheye i blizkoye: Vospominaniya, stat'i, ocherki* [Past and Close: Memories, articles, essays]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd., 1983, pp. 62–82.

Papkov S. A. Vivian Itin na partiynoy chistke 1929 goda: ocherednoy shag k gibeli [Vivian Itin at the party purge of 1929: another step to death]. *Istoricheskiy kur'er*. 2022, no. 1 (21), pp. 89–97.

Papkov Sergey. Organizatsiya pisateley Sibiri i NKVD: pogrom 1936 goda [Organization of Siberian writers and the NKVD: pogrom of 1936]. *Sibirskiye ogni*. 2011, no. 2, pp. 180–188.

- Prashkevich G. Vivian Azar'yevich Itin. *Polden'*, 21 vek. 2007, May, pp. 131–145.
- Teplyakov A. G. “Ya ne chinovnik i ne trus”: sud'ba Viviana Itina [“I am not an official and not a coward”: the fate of Vivian Itin]. In: *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v 20 veke. Sb. nauch. st.* [Authorities and society in Siberia in the twentieth century: Coll. of sci. art.]. Novosibirsk, 2015, iss. 6, pp. 181–208.
- Yakimova L. P., Sobolevskaya N. N., Bal'burov E. A., Yudalevich B. M. *Literaturnaya kritika zhurnala “Sibirskiye ogni”. 20–80-e gody* [Literary criticism of the journal “Sibirskiye ogni”. 20–80s]. Novosibirsk. Nauka, 1994, 288 p.
- Yarantsev V. *Vivian Itin: Grazhdanin Strany Gonguri. Peterburgskoye povestvovaniye* [Vivian Itin: Citizen of the Country of Gonguri. St. Petersburg narrative]. Novosibirsk, RITS NPO Soyuza pisateley Rossii, 2018, 420 p.

List of sources

Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State Archive of the Novosibirsk Region]. F. P-4. Op. 35. D. 7308.

Информация об авторе

Сергей Андреевич Папков, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID ABA-5865-2021
RSCI Author ID 76586

Information about the author

Sergey A. Papkov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID ABA-5865-2021
RSCI Author ID 76586

*Статья поступила в редакцию 10.03.2024;
одобрена после рецензирования 11.04.2024; принята к публикации 11.04.2024
The article was submitted on 10.03.2024;
approved after reviewing on 11.04.2024; accepted for publication on 11.04.2024*